УДК 343.35:004.8

КВАЛИФИКАЦИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ

Шумилина О.С.

к.ю.н., доцент,

доцент кафедры уголовного права и процесса

Белгородский государственный университет,

Россия, г. Белгород

Кушик А.С.

студент,

Белгородский государственный университет,

Россия, г. Белгород

Козлова Д.А.

студентка,

Белгородский государственный университет,

Россия, г. Белгород

Аннотация

Распространение алгоритмических систем в публичном управлении создает для уголовного права проблему, которая не сводится к появлению нового технического средства совершения преступления. Если автоматизированная система участвует в формировании юридически значимого решения, для квалификации требуется определить степень фактического контроля должностного лица над результатом, его отношение к исходным данным и алгоритмической рекомендации, наличие обязанности проверить полученный результат и причинную роль каждого элемента автоматизированного процесса.

В статье обосновывается, что основные случаи умышленного и неосторожного противоправного поведения могут оцениваться посредством действующих статей 285, 286, 292 и 293 УК РФ. Основные затруднения возникают не из-за отсутствия самостоятельного состава преступления с использованием искусственного интеллекта, а при установлении вины, границ полномочий и причинной связи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автоматизированная система, должностное преступление, должностное лицо, злоупотребление полномочиями, превышение полномочий, служебный подлог, халатность, вина, причинная связь.

QUALIFICATION OF MALFEASANCE COMMITTED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND AUTOMATED SYSTEMS

Shumilina O.S.
Ph.D., Associate Professor,
Belgorod State University,
Russia, Belgorod

Kushik A.S.
student,
Belgorod State University,
Russia, Belgorod

Kozlova D.A.
student,
Belgorod State University,
Russia, Belgorod

Abstract

The spread of algorithmic systems in public administration creates a problem for criminal law, which is not reduced to the emergence of a new technical means of committing a crime. If an automated system is involved in the formation of a legally significant decision, the qualification requires determining the degree of actual control of the official over the result, his attitude to the initial data and algorithmic recommendation, the presence of an obligation to check the result obtained and the causal role of each element of the automated process. The article substantiates that the main cases of intentional and reckless unlawful behavior can be assessed through the current Articles 285, 286, 292 and 293 of the Criminal Code of the Russian Federation. The main difficulties arise not because of the lack of an independent corpus delicti using artificial intelligence, but in establishing guilt, the boundaries of authority and the causal relationship.

Keywords: artificial intelligence, automated system, malfeasance, official, abuse of authority, abuse of authority, official forgery, negligence, guilt, causation.

Использование алгоритмических рекомендаций при осуществлении публичных полномочий меняет фактический механизм принятия решения, однако само по себе еще не меняет конструкцию уголовной ответственности. Уголовное законодательство Российской Федерации не выделяет искусственный интеллект в качестве самостоятельного субъекта, орудия или квалифицирующего признака должностного преступления. Поэтому исходным остается вопрос о поведении конкретного должностного лица. В научной литературе функциональный подход к технологии сформулирован достаточно последовательно: «технологическая сложность инструмента не трансформирует структуру состава, а влияет на характеристику способа и на оценку степени общественной опасности» [6, 2]. Применительно к главе 30 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] этого недостаточно лишь в одном отношении: алгоритм способен не только облегчать действие должностного

лица, но и включаться в процесс формирования решения, из-за чего граница между техническим средством и юридически значимым человеческим поведением становится менее очевидной.

С 1 сентября 2026 г. нормативный контекст изменился. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» впервые на уровне федерального закона закрепил определение искусственного интеллекта (далее - ИИ). Пункт 1 статьи 3 характеризует его как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека» [2]. Однако сфера данного закона непосредственно связана прежде всего с большими фундаментальными моделями искусственного интеллекта. Поэтому уголовно-правовая оценка не должна зависеть от формального наименования программного продукта. Обычная автоматизированная информационная система и система искусственного интеллекта технологически различны, но обе могут оказаться элементом механизма должностного преступления.

Персональная уголовная ответственность сохраняется тогда, когда должностное лицо остается носителем полномочия и фактически определяет юридически значимое поведение: выбирает исходные данные, формулирует запрос, принимает либо отклоняет рекомендацию, подтверждает результат или совершает последующее властное действие. Пан Дунмэй и Н.В. Ольховик применительно к взаимодействию человека и ИИ указывают: «если ИИ соединен с человеком, но не влияет на его способность распознавать и оценивать, его следует рассматривать как дополнительный инструмент» [10, 1104]. Такой подход согласуется с частью 2 статьи 5 УК РФ, запрещающей объективное вменение: «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» [1]. Следовательно, алгоритмический результат не может ни автоматически освобождать должностное лицо, ни сам по себе служить основанием его уголовной ответственности.

Именно субъективная сторона позволяет развести принципиально разные ситуации. Одно дело, когда должностное лицо намеренно вводит заведомо недостоверные сведения, подбирает параметры обработки для получения требуемого противоправного результата либо использует сформированную системой рекомендацию как внешне нейтральное обоснование уже принятого незаконного решения. Здесь технология встраивается в умышленное поведение. Иная ситуация возникает при доверии ошибочному автоматическому выводу без намерения причинить вред. И.Н. Мосечкин применительно к современным системам отмечал: «Программное обеспечение, к примеру, мошеннического чат-бота или беспилотного транспортного средства не обладает самосознанием или должной степенью самосознания, что исключает субъективную противоправность» [9, 35]. Психическое отношение поэтому должно устанавливаться у человека, взаимодействовавшего с системой, а не конструироваться применительно к программному комплексу.

Для статьи 285 УК РФ решающим остается не использование алгоритма, а отношение совершенного действия к служебному полномочию. Часть 1 статьи 285 УК РФ говорит об «использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы» при наличии предусмотренной нормой личной заинтересованности и последствий [1]. В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъяснено, что сюда относятся действия, связанные с правами и обязанностями должностного лица, но не вызванные служебной необходимостью и противоречащие целям предоставленных полномочий [4]. Поэтому использование ИИ для придания видимости объективности решению, которое входит в компетенцию лица, но принимается вопреки интересам службы, не выводит содеянное за пределы статьи 285 УК РФ.

При разграничении злоупотребления и превышения особое значение приобретает нормативная конструкция самого полномочия. Е.М. Попова обоснованно указывает, что «необходимыми элементами конструкции должностного полномочия выступают условия и основания осуществления дозволенного действия» [11, 90]. Если должностное лицо при помощи автоматизированного механизма совершает действие, явно выходящее за пределы его компетенции, ориентиром становится часть 1 статьи 286 УК РФ, где прямо названы действия, «явно выходящие за пределы его полномочий» [1]. Алгоритм здесь ничего не меняет в юридической границе полномочия. Он способен лишь усложнить установление того, кто определил параметры решения и кто фактически инициировал выход за эту границу. Общая проблема разграничения остается значимой и вне технологического контекста. Так, М.В. Кукасов отмечает, что «судебная практика показывает, что схожие ситуации правоприменители квалифицируют по-разному, как по ст. 285, так и по ст. 286 УК РФ» [7, 62].

Отдельное значение автоматизированная среда получает при служебном подлоге. Часть 1 статьи 292 УК РФ охватывает «внесение ... в официальные документы заведомо ложных сведений», если присутствует требуемая законом заинтересованность [1]. Если ложные данные сознательно вводятся должностным лицом в систему или сформированный системой документ утверждается им при достоверном знании о ложности сведений, технологический способ не устраняет признак заведомости. Напротив, скрытая техническая ошибка, о которой лицо не знало, исключает возможность выводить заведомость только из того факта, что именно оно подтвердило машинный результат.

Показательным, в этой связи, нам видится следующий пример из судебной практики. Так, по делу № 1-199/2025 Алагирский районный суд Республики Северная Осетия-Алания установил, что сотрудник таможни, используя собственную учетную запись, внес в Единую автоматизированную

информационную систему таможенных органов заведомо ложные сведения о вывозе транспортного средства, которого фактически не было. Действия получили уголовно-правовую оценку, в частности, по пункту «е» части 3 статьи 286 и части 2 статьи 292 УК РФ. Эта практика важна именно как аналогичная квалификационная ситуация: система не была искусственным интеллектом, но электронный характер операции не устранил персональное авторство должностного лица, поскольку были установлены его учетная запись, конкретное действие и умысел [5]. В доступном опубликованном массиве судебных актов, исследованном при подготовке статьи, сложившейся практики применения статей 285, 286, 292 или 293 УК РФ именно к должностным деяниям с использованием искусственного интеллекта не обнаружено.

Наиболее сложная квалификационная проблема возникает при неосторожном доверии автоматическому результату. Часть 1 статьи 293 УК РФ связывает халатность с ненадлежащим исполнением обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе и с предусмотренными законом последствиями. Поэтому самого факта неприменения ручной проверки недостаточно. Необходимо установить существование конкретной служебной обязанности проверить алгоритмический результат, реальную возможность такой проверки и причинную связь между ее отсутствием и наступившим вредом. Конституционный Суд Российской Федерации применительно к статье 293 УК РФ также требует устанавливать и доказывать конкретное нарушение охраняемого интереса и мотивировать наличие данного признака состава [3].

Причинная связь при частичной автоматизации требует реконструировать не один акт, а последовательность: исходные данные, обработку алгоритмом, сформированный вывод, действия должностного лица по проверке или утверждению и последующее юридически значимое решение. Особенно показателен вывод М.М. Маджумаева и О.А. Кузнецовой о предиктивных системах: «Получаемые данные не могут быть приравнены к доказательствам, а

являются лишь оперативными материалами, которые требуют обязательной верификации» [8, 85]. Хотя этот вывод сделан в уголовно-процессуальном контексте, он обнаруживает важную для квалификации закономерность: машинная рекомендация не должна искусственно превращаться в самостоятельное юридическое основание решения там, где компетентное лицо обязано оценивать и проверять полученные сведения.

Таким образом, мы делаем вывод о том что использование искусственного интеллекта или автоматизированной системы в должностном преступлении не образует самостоятельного основания уголовной ответственности и не разрывает связь между юридически значимым решением и должностным лицом лишь потому, что часть интеллектуальных операций выполнена программно. Для большинства практически возможных ситуаций действующие статьи 285, 286, 292 и 293 УК РФ сохраняют квалификационный потенциал: умышленное использование алгоритма для реализации решения вопреки интересам службы оценивается через признаки соответствующего должностного состава; явный выход за нормативные границы полномочий не меняет своей природы вследствие технологического способа его реализации; сознательное внесение или подтверждение ложных сведений может образовывать служебный подлог; неосторожное доверие ошибочному машинному выводу приобретает уголовно-правовое значение только при доказанной обязанности и возможности его проверки. Наиболее серьезные трудности сосредоточены в установлении субъективной стороны и причинной связи. Здесь требуется выяснять степень контроля должностного лица над системой, происхождение исходных данных, доступность проверки, известные ему ограничения алгоритма и причинную роль последующего человеческого решения. Поэтому включение в УК РФ специального состава либо универсального квалифицирующего признака использования искусственного интеллекта на данном этапе не выглядит необходимым. Более значимым представляется отраслевое закрепление процедур контроля

автоматизированных решений: случаев обязательной проверки, распределения полномочий по вводу и утверждению данных, журналирования операций и фиксации алгоритмических предупреждений. Именно такие правила позволят уголовному праву применять уже существующие конструкции без подмены персональной виновной ответственности ответственностью за сам факт использования технологии.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 30. – Ст. 4089.
3. По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко : Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 22. – Ст. 3914.
4. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.
5. Приговор Алагирского районного суда Республики Северная Осетия-Алания от 22 декабря 2025 г. по делу № 1-199/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/KjIs1B8A0hM/ (дата обращения: 07.10.2026).
6. Довгань, Е.А. Уголовно-правовая квалификация киберпреступлений с использованием искусственного интеллекта / Е.А. Довгань // Cifra. Право. – 2026. – № 3 (11). – С. 1-5.

7. Кукасов, М.В. Обоснованность разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ / М.В. Кукасов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – № 2. – С. 59-63.

8. Маджумаев, М.М. Антикриминальный потенциал машинного обучения: предиктивная аналитика предупреждения цифрового вовлечения в террористическую деятельность / М.М. Маджумаев, О.А. Кузнецова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2026. – Т. 30. – № 1. – С. 70-89.

9. Мосечкин, И.Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография / И.Н. Мосечкин. – Киров : Вятский государственный университет, 2020. – 111 с.

10. 1Пан, Дунмэй. Уголовная ответственность за действия искусственного интеллекта: подходы в России и Китае / Пан Дунмэй, Н.В. Ольховик // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – Vol. 15. – № 8. – С. 1094-1107.

11. Попова, Е.М. Уголовно-правовая концептуализация категории «должностное полномочие» как необходимая предпосылка для единообразного разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е.М. Попова // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – Т. 21. – № 2 (80). – С. 86-95.